

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2026. Т. 26, № 5. С. 15–26.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2026, vol. 26, no. 5, pp. 15–26.

Научная статья
УДК [94(470.12)''1917/1920'':343.81](045)
DOI: 10.37482/2687-1505-V538

Места лишения свободы Вологодской губернии в первые годы советской власти (1917–1920)

Надежда Алексеевна Белова

Вологодский институт права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний,
Вологда, Россия,
nade-belova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5564-5426>

Аннотация. В рамках настоящей статьи на основе исторических источников, как опубликованных, так и архивных, рассмотрен опыт реформирования системы мест заключения в Вологодской губернии в первые послереволюционные годы. Цель публикации – изучение вопросов, связанных со становлением, развитием и функционированием мест заключения на территории Вологодской губернии в 1917–1920 годах в контексте общероссийских процессов и с учетом конкретно-исторических условий. Исследование базируется на принципах объективности, историзма и системности, дополненных историко-генетическим, проблемно-хронологическим и сравнительно-историческим методами, использование которых позволило обеспечить всесторонность, конкретность и достоверность полученных результатов. Особое внимание уделено изучению особенностей ликвидации большей части тюрем на территории Вологодской губернии, которые были признаны Советской ревизией во главе с М.С. Кедровым в июне 1918 года излишними, а также всех тюремных заведений, эвакуированных в Первую мировую войну из Прибалтики. Прослежено становление в регионе пенитенциарных учреждений нового типа (арестных и рабочих домов, лагерей принудительных работ и др.). Проанализировано состояние мест лишения свободы разной ведомственной подчиненности в губернии в 1920 году, дана характеристика условий содержания в них различных категорий заключенных, специфики использования их труда. Сделан вывод о том, что в условиях сложной политической и экономической ситуации в стране в целом и регионе в частности, при отсутствии у государства необходимых ресурсов, опыта и четкого представления о том, какими должны быть советские пенитенциарные учреждения, их создание на местах было сопряжено с большими трудностями.

Ключевые слова: история уголовно-исполнительной системы, места лишения свободы, Вологодская губерния, реформирование системы мест заключения, Советская ревизия, советские пенитенциарные учреждения, первые годы советской власти

Для цитирования: Белова Н.А. Места лишения свободы Вологодской губернии в первые годы советской власти (1917–1920) // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2026. Т. 26, № 5. С. 15–26. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V538>

Original article

Places of Detention in the Vologda Province in the First Years of Soviet Power (1917–1920)

Nadezhda A. Belova

Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service, Vologda, Russia,
nade-belova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5564-5426>

Abstract. This article examines the reform of the prison system in the Vologda province in the first post-revolutionary years, drawing on historical sources, both published and archival. The purpose of this paper is to provide a comprehensive analysis of the formation, development, and functioning of prisons in the region from 1917 to 1920, within the context of national processes given the specific historical conditions. The research methodology is based on the principles of objectivity, historicism, and systematicity, complemented by historical-genetic, problem-chronological, and comparative-historical methods. These methods ensure the comprehensiveness, specificity, and reliability of the obtained results. Particular attention is paid to the liquidation of most of the prisons in the Vologda province, which were deemed redundant by the Soviet inspection authority headed by M.S. Kedrov in June 1918, as well as all prisons evacuated from the Baltic states during World War I. The development of new types of penitentiary institutions (arrest and workhouses, forced labour camps, etc.) in the region is traced. The state of penitentiary institutions of various departmental jurisdictions in the province in 1920 is analysed, and the conditions of detention for various categories of prisoners and the specifics of their labour use are described. It is concluded that, given the complex political and economic situation in the country as a whole and the region in particular, and the state's lack of necessary resources, experience, and a clear vision of what Soviet penitentiary institutions should be, their establishment at the local level was fraught with significant difficulties.

Keywords: *history of the penal system, places of detention, the Vologda province, reform of the prison system, the Soviet inspection authority, Soviet penitentiary institutions, the first years of Soviet power*

For citation: Belova N.A. Places of Detention in the Vologda Province in the First Years of Soviet Power (1917–1920). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2026, vol. 26, no. 5, pp. 15–26. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V538>

Становление и развитие мест заключения в первые послереволюционные годы в Вологодской губернии происходило в соответствии с требованиями пенитенциарной политики Советского государства. Этот процесс протекал в крайне сложных условиях, вызванных тяжелой экономической и политической ситуацией в стране в целом и Вологодском крае в частности. Актуальность изучения проблем организации и функционирования системы исполнения наказаний на региональном уровне в данный период обуслов-

лена современными тенденциями в развитии уголовно-исполнительной системы России. Обращение к историческому опыту может быть полезно для совершенствования ее деятельности.

Рассматриваемая в статье тема косвенно отражена в трудах, посвященных формированию системы исправительно-трудовых учреждений в Советском государстве. В масштабах Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (РСФСР) отметим исследования Е.М. Гилярова [1], С.И. Кузьмина [2],

Г.А. Майстренко [3], В.В. Халепо [4] и др. Во всех этих публикациях акцент сделан на теоретических правовых аспектах новой системы исполнения наказаний, а не на практике работы пенитенциарных учреждений.

Опыт становления системы исправительно-трудовых учреждений на региональном уровне обобщен в работах А.С. Кузьминой [5], Е.Н. Симонцевой [6], П.В. Янковича [7], А.А. Бочарникова [8], Н.А. Кожухова [9] и др. На основе архивных материалов авторам удалось выявить типичные и специфические проблемы реализации пенитенциарной политики в регионах РСФСР. Фрагментарное освещение изучаемая тема получила в монографии по истории пенитенциарной системы Вологодского края Н.В. Калашниковой и А.Р. Павлушкова [10]. Исследователи рассмотрели преобразования пенитенциарной системы региона в первые годы советской власти в контексте общегосударственных процессов. Однако, несмотря на имеющиеся достижения, в упомянутых работах отсутствует целостная картина исторического опыта вологодских мест заключения в первые годы советской власти.

Документы, выявленные в Государственном архиве Вологодской области (ГАВО) и впервые вводимые в научный оборот в данной работе, позволяют получить более полное представление о рассматриваемой проблеме. Этим обусловлены новизна настоящей статьи и личный вклад автора в разработку темы.

Целью статьи является изучение вопросов, связанных со становлением, развитием и функционированием мест заключения на территории Вологодской губернии в 1917–1920 годах в контексте общероссийских процессов и с учетом конкретно-исторических условий.

В период с октября 1917 по март 1918 года в системе мест заключения Вологодской губернии практически ничего не изменилось. Общее руководство ею по-прежнему осуществляла губернская тюремная инспекция. Продолжали

деятельность губернский комитет Общества попечительного о тюрьмах с уездными отделениями, Попечительство над исправительным арестантским отделением. На территории губернии функционировали Вологодское исправительное арестантское отделение с временной каторжной тюрьмой, Вологодская губернская тюрьма и 9 уездных тюрем (Вельская, Великоустюгская, Грязовецкая, Кадниковская, Никольская, Сольвычегодская, Тотемская, Усть-сысольская, Яренская). В Вологде также находились тюремные учреждения, эвакуированные из Прибалтики в период Первой мировой войны. Их ликвидация по предложению Главного управления местами заключения от 20 апреля 1918 года, порученная 17 мая губернской тюремной инспекцией начальнику временной каторжной тюрьмы, была не завершена.

Целью реформы системы мест лишения свободы, инициированной новой властью, стал «перелом... во всей системе управления местами заключения... во всей постановке отбывания наказания», который был возможен лишь «при теснейшем сотрудничестве центральных и местных органов»¹.

В Вологодской губернии реализация нововведений в пенитенциарной сфере была связана с деятельностью Советской ревизии, созданной по постановлению Совета народных комиссаров от 18 мая 1918 года для борьбы с контрреволюцией и упрочения советской власти в северных губерниях, во главе с народным комиссаром М.С. Кедровым [11, с. 15]. В Вологду ревизия прибыла 5 июня 1918 года, а уже 7 июня М.С. Кедров подписал два приказа о реорганизации в регионе системы мест заключения и органов управления ею. Приказом № 60 губернскому комиссариату юстиции предписывалось немедленно начать формирование карательного отдела и не позднее 15 июня представить в Народный комиссариат юстиции РСФСР проект штата и смету. Этим же документом губернскому тюремному ин-

¹Сборник действующих циркуляров Центрального карательного отдела НКЮ за 1917–1920 гг. М., 1921. С. 3.

спектору Л.А. Синельникову приказано приступить к ликвидации управления губернской тюремной инспекции и завершить ее в срок до 1 июля 1918 года². На практике осуществление намеченного мероприятия затянулось. Я.Л. Ратнек, назначенный временно исполняющим обязанности начальника карательного отдела, лишь 4 августа подписал приказ № 63, в котором просил губернского комиссара юстиции Э.Л. Ратнека оповестить тюремные учреждения о ликвидации губернской тюремной инспекции³.

Приказом № 61 от 7 июня 1918 года предписывалось из 11 тюрем, действовавших на территории губернии, упразднить 7 как излишние, оставив только 4 (в Вологде, Тотьме, Великом Устюге и Усть-Сысольске) с общим числом мест до 1000 чел. Имущество и заключенные закрываемых учреждений передавались остающимся тюрьмам⁴. Отметим, что данный приказ появился раньше, чем закрытие «мелких» тюрем как непригодных «ни с воспитательно-трудовой стороны, ни со стороны экономии средств» было нормативно закреплено на общегосударственном уровне временной инструкцией Наркомата юстиции «О лишении свободы, как о мере наказания, и о порядке отбывания такового» от 23 июля 1918 года⁵. Этим же приказом предписано освободить из тюрем и передать на поруки родственникам несовершеннолетних заключенных, обвиняемых в незначительных преступлениях⁶. Освобождению подлежали и взрослые заключенные, обвиняемые в «мелких» преступлениях. Освобождаемый обязывался

дать подписку в том, что если он будет «уличен вторично в преступлении, то тогда наказание будет наложено в высшей мере»⁷.

К 16 июня 1918 года губкому юстиции было приказано окончательно ликвидировать эвакуированные Рижскую, Валкскую и Якобитайскую тюрьмы, Рижское исправительное арестантское отделение, а все их имущество передать Вологодской тюрьме⁸. Но требование не удалось выполнить в установленный срок. Губком юстиции распоряжением № 2397 от 29 июня обязал начальника эвакуированной Якобитайской уездной тюрьмы немедленно сдать все книги, документы и имеющееся имущество Вологодской губернской тюремной инспекции⁹. 26 июля губернский тюремный инспектор предложил начальнику этой тюрьмы О.М. Рекстингу передать все на хранение в Вологодскую временную каторжную тюрьму, а сдаточную опись представить в тюремную инспекцию¹⁰. Но еще ранее, 9 июля, инспектор докладывал губернскому наркому юстиции, что служащие Лифляндских и Курляндских мест заключения по приказу № 61 от 7 июня 1918 года уволены (по терминологии тех лет «ликвидированы») с расчетом за полтора месяца. Также он сообщал, что служащие Лифляндских мест заключения заняты сдачей привезенного имущества, а все низшие служители (надзиратели) зачислены с 1 июля на службу в местную временно-каторжную тюрьму. И, ссылаясь на это обстоятельство, ходатайствовал о выдаче им содержания: надзирателям – за вторую половину

²ГАВО. Ф. 120. Оп. 4. Д. 29. Л. 1.

³Там же. Ф. 179. Оп. 6. Д. 7. Л. 3.

⁴Там же. Ф. 120. Оп. 4. Д. 29. Л. 2–2об.

⁵Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства за 1917–1918 гг. / Упр. делами Совнаркома СССР. М., 1942. С. 714.

⁶ГАВО. Ф. 120. Оп. 4. Д. 29. Л. 2об–3.

⁷Там же. Л. 3об–4.

⁸Там же. Л. 3–3об.

⁹Там же. Л. 54.

¹⁰Там же. Л. 60.

июня, т. е. до назначения на новые должности, а оставленным за штатом – до 7 августа¹¹.

Закрытием излишних тюрем руководили одновременно губернская тюремная инспекция и губком юстиции. Так, 17 июня 1918 года начальник Кадниковской уездной тюрьмы К.К. Дзюнь уведомил губернского тюремного инспектора, что 12 подсудимых с их личными делами 14 июня отправлены в распоряжение начальника Вологодской временной каторжной тюрьмы¹². В тот же день помощник начальника Вологодской губернской тюрьмы С.П. Лебедев докладывал губернскому комиссару юстиции, что «из 101 имеющихся во вверенной мне тюрьме заключенных, все ликвидированы»¹³. Из них 70 чел. были переданы для дальнейшего содержания в Вологодскую временную каторжную тюрьму, 22 чел. освобождены следственной комиссией, еще 6 чел. – по распоряжению комиссариата юстиции, 1 чел. находился в Кувшиновской больнице и 2 чел. – в губернской земской больнице¹⁴.

21 июня 1918 года начальник Вологодской временной каторжной тюрьмы А.А. Чулков сообщил в губком юстиции, что уже 22 июня истекает срок приема ликвидируемых тюрем, а сдана и принята «только одна тысячная часть» всего имущества. По его мнению, для тщательного составления описей требовалось не менее 3 месяцев, и разместить при тюрьме все передаваемое имущество из-за отсутствия помещений не было «абсолютно никакой» физической возможности. В сложившейся ситуации он просил прекратить прием и сдачу тюрем и назначить особую комиссию, которая могла

бы убедиться на месте, что принять все в срок нереально, и предлагал оставить имущество закрываемых тюрем на месте, под замком, печатями и охраной¹⁵. Вероятно, это обращение сыграло определенную роль, поскольку имущество тюремного назначения из части ликвидируемых тюрем передавалось в эту тюрьму (напрямую или через губком юстиции) и позже установленного срока. Остальное имущество продавалось, консервировалось или передавалось местным органам власти.

Так, здание и имущество Сольвычегодской уездной тюрьмы, судя по рапорту ее бывшего начальника П.Ф. Жуйкова от 15 июня 1918 года, оставлено за уездным советом¹⁶. Начальник Кадниковской уездной тюрьмы 22 июля уведомил губком юстиции о внесении в уездное казначейство 432 р. 43 коп., вырученных от продажи дров, заготовленных для нужд тюрьмы, и инвентаре, переданном по описи уездному комиссару народного хозяйства для продажи¹⁷. Имущество Вельской уездной тюрьмы, согласно акту ликвидационной комиссии, направленному 23 июля в губком юстиции ее начальником З.Г. Наседкиным, сдано по описи, сложено в помещении тюрьмы и запечатано, за исключением канцелярии, препровожденной в Вологду¹⁸.

Ликвидация Никольской уездной тюрьмы была приостановлена по решению местных властей. Поскольку к середине июня 1918 года она была занята пересыльными арестантами, 19 июня того же года Никольский исполнительный комитет обратился в губком юстиции с просьбой оставить имущество и инвентарь ликвидируемой тюрьмы в его ведении¹⁹. В ито-

¹¹ГАВО. Ф. 179. Оп. 6. Д. 7. Л. 64.

¹²Там же. Ф. 120. Оп. 4. Д. 29. Л. 14.

¹³Там же. Л. 13.

¹⁴Там же.

¹⁵Там же. Ф. 179. Оп. 6. Д. 7. Л. 7–7об.

¹⁶Там же. Л. 53–53об.

¹⁷Там же. Л. 12–12об.

¹⁸Там же. Ф. 120. Оп. 4. Д. 148. Л. 9.

¹⁹Там же. Ф. 179. Оп. 6. Д. 7. Л. 42.

ге на базе бывшей уездной тюрьмы была создана Никольская временно-пересыльная тюрьма. Все имущество и инвентарь были переданы по описи 3 июля 1918 года новому смотрителю А.Я. Томилову, назначенному на эту должность постановлением коллегии управления Никольского уездного исполкома 28 июня²⁰.

Для окончательной ликвидации губернской тюрьмы по личному распоряжению губернского комиссара юстиции с 22 июня 1918 года были оставлены администрация, служащие конторы и 17 надзирателей (всего 26 чел.)²¹. По состоянию на 24 июля 1918 года на территории тюрьмы, в помещения которой, согласно предписанию губкома по военным делам, следовало срочно перевести 8-ю Латышскую стрелковую батарею, находились 18 конвоиров и военнопленные, «цифра коих колеблется от 20-ти до 60-ти чел., которые по мере прибытия проживают до отправки»²². Тюрьма была закрыта 1 августа 1918 года. Ее помещения и инвентарь распределены между Вологодской конвойной командой и военно-техническим отделом Беломорского военного округа²³. В начале августа из-за угрозы вторжения иностранных интервентов на север РСФСР по требованию представителя Военного совета Вологодского тылового района принято решение о создании военной тюрьмы на базе закрытой губернской. Для приведения тюрьмы в порядок назначенный ее начальником прежний руководитель Г.А. Синявский 11 августа 1918 года представил в губком юстиции смету на сумму 2204 р.

25 коп.²⁴ 12 августа карательный отдел направил в редакцию местной газеты объявление о срочном наборе надзирателей в эту тюрьму²⁵. Вероятно, военная тюрьма так и не была открыта, т. к. 26 сентября начальник карательного отдела уведомил губком юстиции о том, что губернская тюрьма ликвидирована, а ее помещения заняты военным ведомством под концентрационный лагерь. Необходимость в оставленных при тюрьме начальнике и надзирателях отпала, и он просил губком распорядиться об увольнении Г.А. Синявского с предоставлением ему вакантной должности в другом месте и переводе надзирателей на службу в Вологодскую тюрьму²⁶.

Приказом губернского комиссара юстиции Э.Л. Ратнека от 7 августа 1918 года Вологодская временная каторжная тюрьма была переименована в Вологодскую тюрьму в связи с «ликвидацией губернской тюрьмы и различных видов заключения»²⁷. Еще 16 июня 1918 года по личному распоряжению губернского комиссара юстиции в тюрьме были проведены выборы администрации. Служащие единогласно постановили оставить на прежних должностях начальника тюрьмы А.А. Чулкова и четырех его помощников²⁸. Собрание выборных от заключенных поддержало их кандидатуры²⁹. На основании распоряжения начальника гарнизона г. Вологды в Вологодской тюрьме с 6 августа 1918 года введена должность комиссара, на которую был назначен А. Груничев. Приказом по тюрьме № 259 от той же даты он объявил, что «никакие распоряже-

²⁰ГАВО. Ф. 179. Оп. 6. Д. 7. Л. 31–31об.

²¹Там же. Ф. 120. Оп. 4. Д. 29. Л. 21.

²²Там же. Ф. Р-585. Оп. 3. Д. 17. Л. 204.

²³Там же. Ф. 120. Оп. 4. Д. 29. Л. 63а.

²⁴Там же. Д. 149. Л. 3.

²⁵Там же. Л. 1–2.

²⁶Там же. Ф. 179. Оп. 6. Д. 7. Л. 96–96об.

²⁷Там же. Ф. 120. Оп. 4. Д. 29. Л. 70.

²⁸Там же. Ф. Р-585. Оп. 3. Д. 17. Л. 231.

²⁹Там же. Л. 234.

ния и приказы без моей подписи с сего числа являются недействительными»³⁰.

Организации, занимавшиеся тюремной благотворительностью, свою деятельность фактически прекратили летом 1918 года. В частности, последнее из выявленных упоминаний о Никольском уездном отделении комитета Общества попечительного о тюрьмах датировано 20 июля 1918 года³¹.

По состоянию на 15 октября 1918 года, согласно отчету о деятельности губотдела юстиции, все 7 подлежащих ликвидации тюрем были упразднены. В итоге расходы на содержание тюрем на территории губернии сократились на сумму более 40 тыс. р. в месяц³².

Карательный отдел, созданный для заведования тюрьмами, состоял из трех подразделов: арестантского, снабжения и ревизионно-контрольного. Важнейшей задачей данного отдела стала организация работ заключенных. За короткий срок в этом направлении было сделано довольно много. В Вологодской тюрьме открыты прачечная, столярная, портняжная, сапожная и ткацкая мастерские. Контингент уездных тюрем трудился в основном на внешних работах, преимущественно на заготовке дров. О достижениях карательного отдела в развитии арестантских работ свидетельствовал тот факт, что заключенные Вологодской тюрьмы за все первое полугодие 1918 года заработали 1684 р. 65 коп., а за сентябрь – 2979 р.³³ Следующей приоритетной задачей отдела была организация культурно-просветительной работы, провозглашенной наряду с трудом основным воспитательным средством в местах заключения РСФСР.

Ввиду административно-территориальных преобразований в июле 1918 года Великоустюгская, Никольская, Сольвычегодская,

Усть-сысольская и Яренская уездные тюрьмы были переданы Северо-Двинской губернии, а в апреле 1919 года Вологодская губерния приняла от Олонецкой губернии в ведение Каргопольскую уездную тюрьму.

В 1918 году для краткосрочного содержания подследственных и приговоренных судами к краткосрочному заключению в ведении судебного-следственного подотдела губотдела юстиции были созданы арестные дома. В 1919 году Вологодская тюрьма получила статус исправительного дома, уездные тюрьмы – рабочих домов. Но в официальной переписке продолжали использоваться и прежние их названия. В административном отношении данные заведения подчинялись карательному отделу губотдела юстиции.

Во исполнение постановления Всероссийского центрального исполнительного комитета «О лагерях принудительных работ» от 17 мая 1919 года 31 декабря того же года приказом № 1 коменданта лагеря объявлен открытым Вологодский лагерь принудительных работ³⁴. Он предназначался для содержания противников новой власти. Лагерь находился в ведении подотдела принудительных работ отдела управления Вологодского губисполкома, в дальнейшем именовался концентрационным.

Согласно докладу Вологодской губернской рабоче-крестьянской инспекции (высшего контролирующего органа в регионе), ею в период с 18 мая по 14 июня 1920 года было обследовано 10 мест заключения разной ведомственной принадлежности. В Вологодском лагере принудительных работ на момент проверки числились 789 заключенных, из них 745 мужчин и 44 женщины. Все срочные, от 1 месяца до «без указания срока» и «бессрочно»³⁵. Большинство

³⁰ГАВО. Ф. 120. Оп. 4. Д. 29. Л. 73.

³¹Там же. Д. 148. Л. 5.

³²Там же. Ф. Р-585. Оп. 2. Д. 66. Л. 3.

³³Там же. Л. 3об.

³⁴Там же. Ф. 119. Историческая справка.

³⁵Там же. Ф. Р-585. Оп. 3. Д. 38. Л. 60.

содержалось по приговорам Петроградской (299 чел.) и других (255 чел.) чрезвычайных комиссий (ЧК)³⁶. Все заключенные пользовались полной свободой передвижения по территории лагеря. Проживавшие вблизи учреждения за хорошее поведение с разрешения коменданта отпускались домой, а откомандированные на работы по специальности проживали в общежитиях при предприятиях и на частных квартирах. Во время ревизии в лагере находились 367 мужчин и 40 женщин. Побег совершался только с работы. Всего с января по май 1920 года бежали 87 чел.³⁷ Здание лагеря, состоявшее из главного корпуса и пристройки к нему, находилось в аварийном состоянии и требовало капитального ремонта. Заключенные спали на нарах, кормили их два раза в день. Проверяющие установили, что общее количество пищи, принимаемой в обед и за ужином³⁸, для работающего человека «совершенно недостаточно»³⁹. При лагере были организованы мастерские: кузнечная, слесарная и др. Но из-за отсутствия приспособленных помещений, инструкторов, нужного количества материалов работа не была налажена должным образом. Учебно-воспитательная часть лагеря была «совершенно не поставлена»⁴⁰.

В Вологодской тюрьме, именуемой в докладе исправительным домом и губернской тюрьмой, во время ревизии содержались 476 чел. (450 мужчин и 26 женщин), из них срочных: 132 мужчины и 11 женщин; следственных: 310 мужчин и 13 женщин; пересыльных: 8 мужчин и 2 жен-

щины. Основной контингент тюрьмы составляли следственные революционного трибунала. В 1920 году бежали 12 чел., один из них во время побега был убит. По роду преступлений большинство заключенных были под арестом за дезертирство (134 чел.), кражи и укрывательство (102 чел.)⁴¹. Все помещения находились в довольно исправном состоянии. Камеры содержались в чистоте, все заключенные имели койки, питание было организовано удовлетворительно (но не включало масла и сахара), работавшие в зависимости от тяжести выполняемой работы получали дополнительный хлебный паек⁴². Пищевое поощрение заключенных было предусмотрено циркуляром № 48 карательного отдела от 9 сентября 1918 года, вводившим примерную пищевую раскладку: 63–65 г белков, 50 г жиров, 300 г углеводов. Калорийность рациона в 2000 ккал, рассчитанную на неработающего заключенного, предлагалось для работающего увеличить до 2400 за счет добавления 1/2 фунта хлеба⁴³. Работы в тюремных мастерских производились под руководством инструкторов-специалистов. Часть заключенных трудилась на внешних и внутренних хозяйственных работах. Учебно-воспитательная часть была поставлена удовлетворительно: имелся заведующий, выделено специальное помещение (бывшая церковь). Ежедневно (кроме праздников) проводились школьные занятия, читались лекции, организовывались концерты и спектакли⁴⁴. Примечательно, что в цейхгаузах тюрьмы выявлено бесхозное имущество, в т. ч. принад-

³⁶ГАВО. Ф. Р-585. Оп. 3. Д. 38. Л. 63.

³⁷Там же. Л. 60об–61об.

³⁸Единые нормы пищевого довольствия для заключенных лагерей, военнопленных и беженцев были установлены приказом Центроппленбежа от 1 января 1920 года и включали 400 г хлеба и 130 г мяса в день.

³⁹ГАВО. Ф. Р-585. Оп. 3. Д. 38. Л. 61.

⁴⁰Там же. Л. 61об.

⁴¹Там же. Л. 64–65.

⁴²Там же. Л. 64.

⁴³Сборник действующих циркуляров Центрального карательного отдела НКЮ за 1917–1920 гг. С. 14–15.

⁴⁴ГАВО. Ф. Р-585. Оп. 3. Д. 38. Л. 64.

лежавшее эвакуированным тюрьмам и частным лицам⁴⁵.

В Вологодском арестном доме, размещавшемся в одноэтажном деревянном доме без двора, в мае 1920 года содержались 46 подследственных (33 мужчины и 13 женщин). Домом заведовал смотритель, охрану несли 12 милиционеров. Мужчины содержались отдельно от женщин, режим был одинаковый для всех заключенных. Ревизией отмечены плохое санитарное состояние помещений, недостаточность питания заключенных, отсутствие работ и культурно-воспитательных мероприятий. 27 чел. содержались под стражей за нарушение обязательных постановлений⁴⁶.

В помещении для подследственных при Вологодской губернской ЧК, выделенном в здании комиссии, во время ревизии содержались 20 мужчин, 8 из них – за спекуляцию. Арестованные находились в ведении коменданта, к работам не привлекались, на сутки получали по фунту хлеба и кипяток⁴⁷. Информации о нормах питания заключенных в системе Всероссийской чрезвычайной комиссии по борьбе с контрреволюцией и саботажем обнаружить не удалось. Вместе с тем можно предположить, что они были ниже норм, установленных в других ведомствах, поскольку данный контингент запрещалось использовать на любых работах, а повышенный паек служил стимулом для увеличения производительности труда.

В Вельском арестном доме, представлявшем собой дом общего типа, обнесенный деревянной оградой, в июне 1920 года содержался 21 чел. (17 мужчин и 4 женщины), из них срочных: 3 мужчины и 1 женщина. Домом заведовал смотритель, при нем состояли 8 милиционеров-надзирателей. Для женщин была выделена отдельная камера. Заключенные отпусками не

пользовались, ежедневно выводились по два раза на прогулки, обеспечивались кипятком и обедом. Продукты, большинство из которых отсутствовало, отпускались выбранным заключенными лицам: кашевару и хлебопеку. Помещение содержалось в чистоте. При учреждении имелась столярная мастерская, обслуживавшая его нужды. На внешние работы заключенных выводили по нарядам. Учебно-воспитательная работа не была организована. По роду преступлений большинство заключенных (8 мужчин и 2 женщины) содержалось за убийство⁴⁸.

Гауптвахта Вельского военного комиссариата размещалась в частном доме и состояла из 3 комнат и коридора. На окнах были установлены железные решетки. Грязное помещение, охраняемое двумя сменными красноармейцами-часовыми, было «обильно клопами», заключенные в собственной одежде спали прямо на голом полу. Все арестованные (на момент проверки их было 19) – дезертиры, пользовались тыловым красноармейским пайком. Они выводились только на бесплатные работы, в основном на уборку мусора и разделку дров. За 1920 год 6 арестованных совершили побег⁴⁹.

Тотемская тюрьма (рабочий дом) размещалась в каменном корпусе, обнесенном каменной оградой. Во время обследования в учреждении содержались 25 чел. (23 мужчины и 2 женщины), в их числе 5 подследственных (4 мужчины и 1 женщина), 18 осужденных (17 мужчин и 1 женщина) и 2 пересыльных. Тюрьма находилась в ведении начальника. Заключенные были разделены по полу и категориям. Днем они пользовались «полной свободой», т. к. отдельного режима не было. Ежедневно заключенным выдавались чай, обед, ужин. Пища была доброкачественной, занятые на внешних работах (лесозаготовке) обеспечивались уси-

⁴⁵ГАВО. Ф. Р-585. Оп. 3. Д. 38. Л. 63об.

⁴⁶Там же. Л. 65об–66.

⁴⁷Там же. Л. 66об.

⁴⁸Там же. Л. 67–67об.

⁴⁹Там же. Л. 68.

ленным пайком. Основными внутренними работами были хозяйственные. И хотя главным «элементом» тюрьмы провозглашался труд, мастерские отсутствовали. Появлявшегося в тюрьме ремесленника «приспосабливали» для ее нужд. Школьное обучение не было организовано, но имелась библиотека из 604 книг, устраивались концерты, митинги. Бóльшая часть заключенных (12 мужчин и 2 женщины) содержалась за кражи. В числе недостатков комиссии отмечены: дефицит белья для заключенных, необходимость ремонта камер и «присутствие» в них клопов и вшей⁵⁰.

Тотемский арестный дом находился в ведении особого смотрителя, охрану и надзор обеспечивали 4 милиционера. В июне 1920 года в учреждении содержались 9 чел. (7 мужчин и 2 женщины). Арестный дом занимал бывшее частное здание, малоприспособленное для своего назначения и требовавшее ремонта (сильно загрязнено, имелись паразиты). Не было белья, верхней одежды, коек и большей части инвентаря. Пища готовилась самими заключенными на общей кухне. Мастерские отсутствовали, заключенные отпускались на внешние работы с милиционером. Учебно-воспитательная часть была «совершенно не поставлена». За 1920 год произошло 2 побега. Основная часть заключенных (4 мужчины и 2 женщины) оказалась под арестом за кражи⁵¹.

В Грязовецком арестном доме во время проверки находились 10 подследственных (9 мужчин и 1 женщина). Надзор и хозяйственные функции выполнял заведующий, караул отсутствовал. Заключенные пользовались полной свободой, но побегов не было. В день они получали 1 фунт хлеба (работавшие – 2 фунта), кипятка и 50 коп. кормовых денег. Мастерские и учебно-воспитательная часть отсутствовали. Арестованные

содержались в основном за спекуляцию, кражи, должностные преступления (по 2 чел.)⁵².

На июнь 1920 года в Каргопольской тюрьме содержались 16 чел. (12 мужчин и 4 женщины), из них 14 срочных, 2 следственных. Кроме того, в учреждении находился 31 дезертир. Комиссия сочла возможным всех их и еще одного из осужденных освободить. Тюрьмой, которая размещалась в 2 комнатах и 3 деревянных одноэтажных зданиях, обнесенных оградой, руководил начальник, при нем состояли делопроизводитель и 15 милиционеров. Для всех заключенных был установлен единый режим. Отпусками они могли пользоваться лишь в исключительных случаях. В 9 ч утра, перед отправкой на работу, тюремному контингенту выдавался кипяток, в 1 ч дня – обед, ужина не было⁵³. Заключенным полагались хлеб, рыба и соль. Пища была признана доброкачественной, но не достаточной. Все тюремные помещения, за исключением бани, которой требовался ремонт (сгнили нижние ряды бревен), находились в исправном состоянии. Помещения, одежда и посуда содержались в чистоте, заключенные были обеспечены отдельными койками. Больных отправляли в уездную больницу. Труд заключенных использовался на внешних работах (на момент проверки трудились 10 чел.). Мастерские отсутствовали, но если появлялся ремесленник, то работал он в камере. Во время ревизии в тюрьме находился один сапожник. Учебно-воспитательная часть и школьное обучение в тюрьме не были организованы. Имелась небольшая библиотека из книг русских писателей, были проведены несколько лекций и концерт-спектакль. В 1920 году случаев смертности среди контингента не отмечено, но имел место один побег. По составу преступления большинство заключенных

⁵⁰ТАВО. Ф. Р-585. Оп. 3. Д. 38. Л. 69–69об.

⁵¹Там же. Л. 70–70об.

⁵²Там же. Л. 71–71об.

⁵³Там же. Л. 71об.

(10 мужчин и 4 женщины) содержалось за кражи и укрывательство⁵⁴.

По окончании обследования материалы ревизионной комиссии вместе с заключениями в отношении лиц, осужденных за пределами губернии, и тех, чьи дела утеряны, были переданы межведомственной комиссии. Последняя постановила ходатайствовать о пересмотре дел в отношении 67 чел., применении амнистии к 19 чел., полном освобождении 50 чел., условном освобождении 4 чел. и уменьшении срока наказания для 1 чел. Список этих лиц и мотивированный протокол заседаний были представлены в административный отдел губкома 22 июля 1920 года⁵⁵.

Заключение. Итак, можно констатировать, что в рассматриваемый период места заключения Вологодской губернии изменялись в соответствии с пенитенциарной политикой государства. Они обеспечивали изоляцию лиц, лишенных свободы судебным и внесудебным порядком, и организацию их труда. До лета 1918 года места заключения в регионе функционировали практически в том виде, в каком

остались от царской России, включая тюрьмы, эвакуированные из Прибалтики в годы Первой мировой войны. Закрытие на территории губернии «мелких» тюрем, инициированное Советской ревизией, было начато еще до принятия ведомственного нормативного акта, предусматривавшего их ликвидацию. Учреждения нового типа были созданы в регионе в 1919 году, преимущественно на базе дореволюционных тюрем. Ввиду переоценки реальных возможностей в сложной политической и экономической ситуации, отсутствия опыта и четкого представления о том, какими должны быть советские пенитенциарные учреждения, не все запланированные мероприятия при реорганизации мест заключения удалось реализовать в полном объеме и в установленные сроки. К основным факторам, не позволившим должным образом организовать деятельность мест заключения, следует отнести недостаточное финансирование, их принадлежность к разным ведомствам, качественный состав служащих и неоднократные изменения административно-территориального деления губернии.

Список литературы

1. Гиляров Е.М. Становление и развитие исправительно-трудовых учреждений РСФСР в первые годы советской власти (1917–1925 гг.): дис. ... канд. юрид. наук. М., 1986. 167 с.
2. Кузьмин С.И. Исправительно-трудовые учреждения в СССР (1917–1953 гг.). М., 1991. 130 с.
3. Майстренко Г.А. Общая характеристика системы исправительно-трудовых учреждений в первые годы советской власти: историко-правовые аспекты // Образование и право. 2020. № 5. С. 356–359. <https://doi.org/10.24411/2076-1503-2020-10560>
4. Халепо В.В. Организация деятельности органов исполнения наказаний в первые годы Советской власти // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 11. Право. 2023. Т. 64. № 1. № С. 70–86. <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0113-11-64-1-5>
5. Кузьмина А.С. Становление исправительно-трудовых учреждений Сибири (1917–1924 гг.). Омск, 1980. 83 с.
6. Симонцева Е.Н. Места заключения в Иваново-Вознесенской губернии в 1918–1924 гг. // Юбилейный сборник, посвященный 85-летию со дня рождения проф. Ю.А. Яковсона. Иваново, 2000. С. 41–46.
7. Янкович П.В. Деятельность исправительно-трудовых учреждений Смоленской, Брянской и Орловской губерний в 1917–1929 годах: дис. ... канд. ист. наук. Смоленск, 2021. 240 с.
8. Бочарников А.А. Исправительные учреждения города Курска в 1918–1921 гг. // ViainTempore. История. Политология. 2024. Т. 51. № 3. С. 718–731. <https://doi.org/10.52575/2687-0967-2024-51-3-718-731>

⁵⁴ГАВО. Ф. Р-585. Оп. 3. Д. 38. Л. 72–72об.

⁵⁵Там же. Л. 72об–73.

9. Кожухов Н.А. Состояние пенитенциарных учреждений Тамбовской губернии 1918–1922 гг. // Вестн. гуманит. образования. 2024. № 2. С. 39–44. <https://doi.org/10.25730/VSU.2070.24.021>
10. Калашикова Н.В., Павлушков А.Р. История пенитенциарной системы Вологодского края. Вологда, 2011. 279 с.
11. Шебалин В. Советская ревизия // Шебалин В. Былое не вычеркнуть: Страницы истории о малоизвестных событиях 1917–1920 годов в Вологодском крае. Вологда, 1993. С. 15–19.

References

1. Gilyarov E.M. *Formation and Development of Correctional Labour Institutions of the RSFSR in the First Years of Soviet Power (1917–1925)*: Diss. Moscow, 1986. 167 p. (in Russ.).
2. Kuz'min S.I. *Correctional Labour Institutions in the USSR (1917–1953)*. Moscow, 1991. 130 p. (in Russ.).
3. Maistrenko G.A. General Characteristics of the System of Correctional Labour Institutions in the First Years of Soviet Power: Historical and Legal Aspects. *Education and Law*, 2020, no. 5, pp. 356–359 (in Russ.). <https://doi.org/10.24411/2076-1503-2020-10560>
4. Khalepo V.V. Organisation of the Activities of Penal Authorities in the First Years of Soviet Power. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya II. Pravo*, 2023, vol. 64, no. 1, pp. 70–86 (in Russ.). <https://doi.org/10.55959/MSU0130-0113-11-64-1-5>
5. Kuz'mina A.S. *Formation of Correctional Labour Institutions in Siberia (1917–1924)*. Omsk, 1980. 83 p. (in Russ.).
6. Simontseva E.N. Places of Detention in the Ivanovo-Voznesensk Province in 1918–1924. *Jubilee collection dedicated to the 85th anniversary of the birth of prof. Yu.A. Yakobson*. Ivanovo, 2000, pp. 41–46 (in Russ.).
7. Yankovich P.V. *Activities of Correctional Labour Institutions of the Smolensk, Bryansk and Oryol Provinces in 1917–1929*: Diss. Bryansk, 2021. 240 p. (in Russ.).
8. Bocharnikov A.A. Correctional Institutions of the City of Kursk in 1918–1921. *Via in Tempore. History. Political Science*, 2024, vol. 51, no. 3, pp. 718–731 (in Russ.). <https://doi.org/10.52575/2687-0967-2024-51-3-718-731>
9. Kozhukhov N.A. The State of Penitentiary Institutions in the Tambov Province in 1918–1922. *Herald of Humanitarian Education*, 2024, no. 2, pp. 39–44 (in Russ.). <https://doi.org/10.25730/VSU.2070.24.021>
10. Kalashnikova N.V., Pavlushkov A.R. *History of the Penitentiary System of the Vologda Region*. Vologda, 2011. 279 p. (in Russ.).
11. Shebalin V. Soviet Inspection Authority. *The Past Cannot Be Erased: Pages of History on Little-Known Events of 1917–1920 in the Vologda Region*. Vologda, 1993, pp. 15–19 (in Russ.).

Информация об авторе

Н.А. Белова – кандидат исторических наук, доцент кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний.

Information about the author

Nadezhda A. Belova, Cand. Sci. (Hist.), Assoc. Prof. at the Department of Humanities and Social-Economic Subjects, Vologda Institute of Law and Economics of the Federal Penitentiary Service.

Поступила в редакцию 28.12.2025

Одобрена после рецензирования 23.04.2026

Принята к публикации 27.04.2026

Submitted 28 December 2025

Approved after reviewing 23 April 2026

Accepted for publication 27 April 2026